

Содержание

УЧАСТНИКИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Кутепов Александр Павлович	8
Первые дни революции в Петрограде	9
Деникин Антон Иванович	38
Революция в Петрограде	39
Революция и армия. Приказ № 1	52
Лукомский Александр Сергеевич	58
Государственный переворот	59
Краснов Петр Николаевич	102
Наступление на Петроград в октябре 1917 года	103
Любите Россию!	131
Шкуро Андрей Григорьевич	136
Записки белого партизана.	137
Колчак Александр Васильевич	172
Автобиография.	173
Допрос Колчака	178
Письма	184
Семёнов Григорий Михайлович	192
Из воспоминаний	193
Врангель Петр Николаевич	228
К офицерам Красной армии	229
У последней черты	230



НА СЛУЖБЕ В КРАСНОЙ АРМИИ

Верховский Александр Иванович	252
Россия на Голгофе.	253
В штабе Петроградского округа.	261
Парский Дмитрий Павлович	266
Воспоминания о службе в Красной армии.	267
Блюхер Василий Константинович.	298
К истории 30-й стрелковой дивизии	299
Егоров Александр Ильич	328
Разгром Деникина.	329
Брусилов Алексей Алексеевич	344
Мои воспоминания.	345
Ко всем бывшим офицерам....	374
Каменев Сергей Сергеевич	376
Страничка воспоминаний.	377

УЧАСТНИКИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ





КУТЕПОВ Александр Павлович

Александр Павлович Кутепов (1882–1930) — полковник Русской императорской армии, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, генерал Белой армии.

Во время Февральской революции был одним из немногих старших офицеров, пытавшихся организовать подавление восстания в

Петрограде. После победы революции вернулся на фронт и командовал лейб-гвардии Преображенским полком. В декабре 1917 года вступил в ряды Добровольческой армии. В 1918 году, после взятия белыми войсками Новороссийска, назначен Черноморским военным губернатором, произведен в генерал-майоры, затем в генерал-лейтенанты. Командовал корпусом во время наступления Добровольческой армии на Москву и в период отступления от Орла до Новороссийска. В марте 1920 года прибыл с корпусом в Крым, где был назначен генералом Врангелем командиром 1-го армейского корпуса.

В ноябре 1920 года вместе с армией эвакуировался из Крыма. В 1928 году, после смерти генерала Врангеля, возглавил Русский Общевоинский Союз, объединявший белую военную эмиграцию с целью продолжения войны с большевиками и ведения диверсионных действий. 26 января 1930 года похищен в Париже агентами советской разведки. Обстоятельства, место и время смерти неизвестны.



Первые дни революции в Петрограде¹

В первых числах января 1917 года командир полка, свиты Его Величества генерал-майор Дрентельн уехал в отпуск, а через несколько дней вступивший во временное командование полком полковник Веденяпин тоже уехал, и тогда я вступил во временное командование лейб-гвардии Преображенским полком.

Полк стоял на позициях вблизи деревень Свинюхи и Корытнища² у леса «Сапог». Положение на фронте было вполне спокойное: рыли лисьи норы, усиливали проволочные заграждения, копали ходы сообщения и вели легкую перестрелку с противником. Каждый офицер отлично понимал, что с наступлением весны начнутся решительные бои, которые должны привести к окончанию войны. За это говорила огромная работа в тылу: формировалось очень много новых дивизий, усиливалась тяжелая артиллерия, изготавливались артиллерийские склады и т. д., поэтому каждый офицер старался воспользоваться временными затишьем и поехать в отпуск. В период боев у нас в полку считалось неудобным уезжать.

По возвращении генерала Дрентельна из отпуска я уехал на три недели в Петроград, куда прибыл в двадцатых числах февраля.

В первый же момент приезда я был поражен тем нервным настроением, которое царило там тогда, — на вокзалах, в Гостином дворе, в Пассаже можно было видеть солдат в караульной амуниции, но по улицам ходили толпы

¹ Текст печатается с сокращениями по изданию: Кутепов А. П. Первые дни революции в Петрограде // Генерал Кутепов. Сборник статей. Париж, 1934.

² Населенные пункты Волынской губернии Российской империи (ныне Волынская область Украины).



рабочих, каждый день происходили манифестации. В собрании нашего запасного полка на Миллионной улице, во время завтрака, я был удивлен тем разговором, который вели некоторые наши офицеры: так, например, капитан Приклонский и поручик Макшеев говорили, что необходимо дать ответственное правительство, дать большие права Государственной думе и т. п. Приходилось с ними спорить и говорить, что когда рабочие уже вышли на улицу, то надо сперва навести порядок, а не говорить о каких-то уступках и реформах, что необходимо прежде всего помнить, что сейчас война, что каждый русский человек, а тем более офицер, должен поддерживать правительство, а не критиковать его.

При этом я высказывал свое мнение, что так действовать, как действуют наши запасные полки, выведенные для охраны порядка, нельзя. Я видел на нескольких местах разомкнутые на один шаг друг от друга полуроты под начальством молодых офицеров, в большинстве, не бывших на войне: эти заставы должны были не пропускать в известные районы публику, но это, конечно, не выполнялось, да и выполнять это было нельзя, так как районы не закрывались со всех сторон, вследствие чего публика набиралась с обеих сторон; она ругалась и кричала, и в конце концов всех пропускали. В результате ронялся авторитет офицеров в глазах солдат, разбалтывалась дисциплина, и толпа приучалась не выполнять распоряжений начальства. Поэтому мне казалось, что войска надо убрать и вызывать только в том случае, когда надо действовать оружием. Я эту точку зрения высказывал в присутствии полковника Павленкова, который был помощником генерала Чебыкина.

Павленков, совсем больной, учитывая серьезность положения в эти дни, решил вступить в исполнение своих обязанностей. Он, так же как и я, возмущался мнениями, высказываемыми Приклонским и компанией.



В Петрограде я остановился у своих сестер, на Васильевском острове. 27 февраля, в девятом часу утра, меня вызвали к телефону. Так как я еще не встал, то просил сестру пойти переговорить, она мне сказала, что поручик Макшеев просит меня спешно приехать на Миллионную. Предвидя что-то недоброе, я быстро оделся и, сев на извозчика, приехал в собрание на Миллионную, где поручик Макшеев мне сообщил, что в казармах гвардейской Конной артиллерии взбунтовались часть лейб-гвардии Волынского запасного полка и его учебная команда, что взбунтовавшиеся волынцы ворвались в казармы нашей нестроевой роты, заставили присоединиться к себе солдат лейб-гвардии Преображенского запасного полка, а когда находившийся там числящийся по общей армии заведующий полковой швальней полковник Богданов хотел выгнать волынцев со двора, то был там же ими заколот.

В первую очередь я спросил, где командир нашего запасного полка, полковник князь Аргутинский-Долгоруков, на что Макшеев ответил, что он вызван к командующему войсками. В это время я увидел штабс-капитана Эллиота старшего и других офицеров, служивших, как я помнил, на Кирочной. Я приказал им всем немедленно отправиться к своим ротам и находиться со своими солдатами. Одновременно с этим мне доложили, что из Градоначальства за мною прислали автомобиль, на котором командующий войсками генерал Хабалов¹ приказал мне немедленно туда приехать.

Внизу в Градоначальстве меня встретил жандармский ротмистр, сказавши мне, что он ждет меня, так как ему приказано провести меня прямо к генералу Хабалову. Придя наверх, я нашел в довольно большой

¹ Сергей Семенович Хабалов (1858–1924) — командующий войсками Петроградского военного округа в феврале 1917 г.



С. С. Хабалов

комнате генерала Хабалова, градоначальника генерала Балка, полковника Павленкова, кажется, генерала Тяжелникова — начальника штаба Петроградского военного округа и еще двух жандармских штаб-офицеров — все они были сильно растеряны и расстроены. Я заметил, что у генерала Хабалова во время разговора дрожала нижняя челюсть.

Как только я вошел, генерал Хабалов спросил меня: «Вы полковник Кутепов?»

Я тотчас же ему явился, и он поспешил мне заявить: «Я назначаю вас начальником карательного отряда». На это я ему ответил, что я готов исполнить всякое приказание, но что, к сожалению, нашего лейб-гвардии Преображенского полка здесь нет, что я нахожусь в отпуску, никакого отношения к запасному полку не имею, и что, мне кажется, в этом случае надо назначить лицо более известное в Петроградском гарнизоне.

Генерал Хабалов довольно твердо мне сказал: «Все отпускные мне подчиняются, и я вас назначаю начальником карательного отряда». На это я ему ответил: «Слушаю, прошу мне указать задачу и дать соответствующий отряд». Генерал Хабалов заявил: «Приказываю вам оцепить район от Литейного моста до Николаевского вокзала и все, что будет в этом районе, загнать к Неве и там привести в порядок». Я ему сказал, что не останавлиюсь перед расстрелом всей этой толпы, но что



только для оцепления ее мне надо не менее бригады. Тогда генерал Хабалов раздраженно сказал:

«Дадим то, что есть под руками. Возьмите роту (из 48 рядов¹) лейб-гвардии Кексгольмского запасного полка с одним пулеметом, которая стоит против Градоначальства, и идите с ней по Невскому проспекту; в Гостином Дворе возьмите роту лейб-гвардии Преображенского запасного полка (в 32 ряда) и в Пассаже другую роту того же полка, того же состава. Сейчас от Николаевского вокзала сюда к Градоначальству идет пулеметная рота в 24 пулемета, возьмите из них 12 пулеметов себе, а остальные 12 пришлите нам». Я спросил генерала Хабалова: «А будет ли эта пулеметная рота стрелять?» Генерал Хабалов ответил, что по его сведениям это хорошая часть. Затем он прибавил, что дополнительно пришлет мне все, что возможно, и что сейчас уже отдано распоряжение роте лейб-гвардии Егерского запасного полка двигаться к Литейному проспекту, чтобы поступить в мое распоряжение, и приказал мне идти выполнять возложенное на меня поручение.

Выйдя из Градоначальства, я увидел очень подтянутую роту лейб-гвардии Кексгольмского запасного полка с одним пулеметом. Рота произвела на меня хорошее впечатление, и я приказал вести ее по Невскому к Литейному проспекту. Около Гостиного двора ко мне присоединилась рота лейб-гвардии Преображенского запасного полка под командой поручика Сафонова, и из Пассажа рота поручика Брауна того же полка с прапорщиком Кисловским. Поздоровавшись с ротами, я спросил ротных командиров, в каком состоянии находятся роты. Они мне ответили, что роты хорошие, но, к сожалению, они вчера не получили ужина и до сего

¹ Ряд — два военнослужащих, стоящих в двухшереножном строю в затылок один другому.



времени ничего не ели. Я приказал им при первой же остановке купить ситного хлеба и колбасы и накормить людей.

На Невском проспекте у Александринского театра около магазина Елисеева я встретил пулеметную роту, идущую к Градоначальству. Пулеметы и ленты люди несли на себе. Когда я поздоровался с ротой, то ответило только несколько голосов. В роте уже имелось распоряжение, что 12 пулеметов поступают ко мне. Когда я обратился к командиру полуроты штабс-капитану, фамилии его не помню, и спросил, могут ли они открыть огонь по первому приказанию, то он очень смущенно мне заявил, что у них нет совсем масла и воды в кожах. Я приказал ему послать за всем необходимым и на первой же остановке немедленно изготовить пулеметы к бою.

По виду Невского проспекта было уже около одиннадцати часов утра, но нельзя было ничего сказать, что что-либо происходит в Петрограде. Городовые стояли на местах, и только народу было меньше, чем обыкновенно.

Дойдя до угла Литейного и Невского проспектов, я приказал отряду остановиться, а сам пошел узнать у городского, не проходила ли здесь рота лейб-гвардии Егерского запасного полка. Городовой ответил, что никаких рот он не видал здесь. В это время на извозчике сюда подъехал командир лейб-гвардии Преображенского запасного полка полковник князь Артинский-Долгоруков. Быстро соскочив с извозчика и заплетаясь в николаевской шинели, он бежал ко мне. Я пошел к нему навстречу.

Он, волнуясь, сказал мне, что взбунтовавшаяся толпа солдат и рабочих подожгла Окружный суд и идет к Зимнему дворцу, и что генерал Хабалов приказал мне немедленно вернуться обратно.



На это я ему ответил: «Неужели у вас во всем Петрограде только и имеется, что мой, так называемый, карательный отряд? Значит, генерал Хабалов этим распоряжением, передаваемым через тебя, отменяет свое первое распоряжение?» Князь Аргутинский-Долгоруков на это ответил: «Прошу тебя поспешить идти к Зимнему дворцу». Я возразил: «Идти обратно по Невскому не целесообразно. Передай генералу Хабалову, что я пойду по Литейному проспекту, затем по Симионовской улице к цирку Чинизелли и выйду на Марсово поле, где, вероятно, я и увижу эту самую толпу». Сказав это, я приказал отряду двигаться за мною по Литейному проспекту.

Двигались в таком порядке: рота лейб-гвардии Кексгольмского запасного полка, пулеметная полурота и затем две роты лейб-гвардии Преображенского запасного полка. Я шел впереди. Подходя к казармам лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады, на углу Литейного проспекта и Артиллерийского переулка я заметил группу офицеров лейб-гвардии Литовского запасного полка. Далее было видно, как в казармах в это время били стекла, разбивали рамы и выбегали отдельные солдаты. Я остановил мой маленький отряд, и ко мне подошел полковник лейб-гвардии Литовского полка, который, как я понял из разговора, оказался командиром своего запасного полка. Он мне рассказал, что на Басковой улице к казармам подошла предводительствуемая штатскими толпа солдат его же запасного полка и лейб-гвардии Волынского запасного полка и что, ворвавшись в казармы во двор, эта толпа стала требовать от солдат, находившихся в казармах, присоединения к ней. Я спросил его, какие же меры он принял, на что он мне ответил, что сделать ничего не мог, и что солдаты в казармах перешли на сторону взбунтовавшихся.

В это время был виден пожар Окружного суда, и отсюда слышались отдельные выстрелы и редкая пулемет-



ная стрельба в нашем направлении: вдоль Литейного свистели отдельные пули.

Видя серьезность положения в этом месте, я решил, что не могу уйти отсюда для выполнения приказа генерала Хабалова, переданного мне через полковника князя Аргутинского-Долгорукова, и послал подпоручика Скосырского по телефону передать в Градоначальство обстановку всего происходящего в районе казарм лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады и предупредить, что я принял решение остаться и действовать в этом районе.

Затем я сейчас же разомкнул роту кексгольмцев на три шага во взводной колонне и выдвинул ее к дому князя Мурузи, откуда, как мне доложили, обстреливали пулеметами, и приказал выяснить обстановку в районе Преображенского собора, Соборной армии и флота, Кирочной улицы и у Орудийного завода и, в случае сопротивления и действия бунтующих, немедленно открыть по ним огонь. Одну роту лейб-гвардии Преображенского запасного полка с поручиком Сафоновым, выделив в его распоряжение четыре пулемета от пулеметной роты, я направил закрыть Бассейную улицу со стороны Надеждинской, а также Баскову улицу, выходящую на Бассейную. Одновременно я отдал приказание в случае движения толпы в направлении роты немедленно открывать огонь. Одним взводом с пулеметом из роты поручика Брауна закрыть Артиллерийский переулок, выходящий на Литейный проспект.

Во время отдачи этих приказаний я заметил, что много солдат литовцев, в большинстве своем с винтовками и в караульной амуниции, выскакивают из окон и выходят на Литейный, собираясь кучками на тротуаре. Видя также, что офицеры Литовского запасного полка продолжают стоять группой и никаких распоряжений



солдатам не отдают, я через своего Преображенского унтер-офицера приказал им прийти ко мне. Все они отчетливо явились, а один из них заявил мне, что в казармах поднялась такая суматоха, что они не знают, что делать. Я приказал на Литейном проспекте открыть два двора в ближайших домах и отдал распоряжение командира лейб-гвардии Литовского запасного полка приказать своим офицерам собрать всех этих солдат и приводить их там в порядок.

Вслед за этим, подойдя к пулемету, стоящему у Артиллерийского переуллка и направленному на Баскову улицу, я был удивлен, найдя его не заряженным. Когда я приказал его зарядить, то командир полуроты, стоявший здесь, сказал, что у них в кожихах нет воды и глицерина, а также нет смазки, и что пулемет не может быть изготовлен к бою. В это время мне доложили, что толпа солдат, заполнявшая Баскову улицу, совершенно мирно и спокойно стоит, и что унтер-офицер лейб-гвардии Воынского запасного полка просит прийти туда кого-либо из господ офицеров. Я немедленно послал к нему старшего унтер-офицера лейб-гвардии Преображенского запасного полка Маслова, который быстро ко мне возвратился и доложил, что унтер-офицер Воынского запасного полка докладывает, что солдаты очень хотели бы построиться и пойти в свои казармы, но бояться, что их будут судить и расстреливать, и поэтому он просит прийти кого-либо из господ офицеров, чтобы их успокоить и построить.

Выслушав Маслова, я подошел к углу Артиллерийского переуллка и, увидев, что там, главным образом, находятся солдаты лейб-гвардии Литовского полка, предложил их командиру пойти построить их и привести сюда ко мне, на что он наотрез отказался. Тогда я ему сказал: «Удивляюсь, что вы боитесь своих солдат. Вы должны исполнить ваш последний долг перед



ними. Если вы боитесь пойти, то пойду я». И сам пошел к ним.

Когда я подходил к углу Басковой улицы и Артиллерийского переулочка, то ко мне, отделившись от толпы солдат, подошел очень отчетливый унтер-офицер лейб-гвардии Волынского запасного полка. Держа все время руку под козырек, он доложил, что солдаты хотели бы пойти в свои казармы, но боятся, что за все, что произошло, их будут расстреливать. Тогда я, идя по направлению к толпе солдат, громко сказал: «Всякий, кто построится и кого я приведу, расстрелян не будет». Услышав это, передние солдаты с радостными лицами схватили меня, подняли на руки и просили, чтобы я громко повторил это всем.

На руках у солдат я увидел всю улицу, заполненную стоящими солдатами (главным образом Литовского и Волынского запасных полков), среди которых было несколько штатских, а также писарей Главного штаба и солдат в артиллерийской форме. Я сказал громким голосом: «Те лица, которые сейчас толкают вас на преступление перед Государем и Родиной, делают это на пользу нашим врагам-немцам, с которыми мы воюем. Не будьте мерзавцами и предателями, а оставайтесь честными русскими солдатами».

В ответ на мои слова раздалось несколько голосов: «Мы боимся — нас расстреляют». А два-три других голоса крикнули: «Товарищи! Он врет, вас расстреляют». Я опять заявил громко: «Приказываю вам построиться. Я полковник лейб-гвардии Преображенского полка Кутепов, только что приехавший с фронта. Если я вас приведу, то никто из вас расстрелян не будет. Я этого не допущу».

И, приказав спустить меня на землю, отдал распоряжение унтер-офицерам строить всех своих солдат.

Сейчас же унтер-офицеры начали кричать: «Литовцы, волынцы такой-то роты строиться сюда!» Вся тол-

*Демонстрация в Петербурге.
Март 1917 года*





па зашевелилась, но через некоторое время несколько унтер-офицеров подошли ко мне и доложили, отчетливо держа руку у козырька: «Ваше Высокоблагородие, разрешите строиться по названию казарм, так как очень перепутались, и у некоторых рот нет унтер-офицеров». А затем знакомый мне уже унтер-офицер лейб-гвардии Волынского запасного полка доложил, что как раз их две роты помещаются в казармах напротив, и что он просит разрешения всех волынцев этих рот прямо увести на двор этих казарм. Я ему разрешил.

В то время, когда я говорил с унтер-офицерами, из шапочной мастерской, на углу Басковой улицы и Артиллерийского переуллка, выскочило около десятка штатских и несколько писарей. У одного из них я заметил револьвер на поясе.

Унтер-офицер лейб-гвардии Волынского запасного полка, громко крича: «Волынцы таких-то рот за мной», шел по направлению к воротам, и волынцы, видно было отделялись от толпы и шли за ним. В другой части толпы слышались команды «строиться по казармам» — и одновременно возгласы — «нас расстреляют», «бей его!». Часть солдат толпой бросилась бежать по направлению к Преображенскому собору, другая же часть разбежалась по казармам. Около меня осталось человек двадцать солдат Литовского запасного полка, которые вместе со мною прошли к роте лейб-гвардии Преображенского запасного полка поручика Сафонова. Я приказал ему — немедленно одним взводом с пулеметом закрыть Басков переулок и ворота, где во дворе были уже построены две роты Волынского запасного полка, распустить их по казармам и никого оттуда не выпускать, а также передать унтер-офицеру мою благодарность и сказать ему, что я назначаю его временно командовать этими двумя ротами.



В это время кексгольмцев начали обстреливать со стороны Орудийного завода, где бежали отдельные люди, но толпы не было видно. Я приказал немедленно роте кексгольмцев открыть огонь, обстрелять Литейный проспект и Орудийный завод и, двигаясь вперед, занять одной полуротой Кирочную улицу по направлению к Суворовскому проспекту; если же там будет толпа, открыть по ней огонь; другой же полуроте занять направление к Орудийному заводу, проверить караул в казначействе и усилить его одним пулеметом. Роте лейб-гвардии Преображенского запасного полка с поручиком Брауном я приказал двигаться по Басковой улице и, выйдя к Преображенскому собору, очистить Саперный переулок и другие прилегающие сюда улицы.

Вслед за этим все офицеры мне заявили, что необходимо накормить людей, так как их роты не обедали, а преображенцы даже и не ужинали. Ввиду этого я срочно послал штабс-капитана Преображенского полка Головина, случайно здесь находившегося, к генералу Хабалову, чтобы просить его сделать распоряжение о доставке пищи для солдат, а также объяснить ему все происходящее здесь и просить прислать более боеспособную команду пулеметчиков. По телефону договориться в Градоначальство мы уже не могли.

Когда я отдавал все эти распоряжения, ко мне подошла команда человек в пятьдесят под начальством офицера, который доложил мне, что он прибыл из Царского Села в мое распоряжение с командой разведчиков лейб-гвардии 1-го Стрелкового Его Величества запасного полка. Мне очень не понравился вид этой команды.

Когда я с ней поздоровался, она ответила довольно вяло, и сейчас же после ответа раздалось из строя: «Мы еще сегодня не обедали». Я приказал начальнику коман-



ды немедленно узнать, кто это сказал, и, отведя команду в ближайший двор, привести ее там в порядок.

Почти одновременно с этой командой прибыл в мое распоряжение эскадрон гвардейского Кавалерийского запасного полка. Не успел я отдать ротмистру приказание, как он заявил мне, что лошади плохо кованы, люди не ели и устали от большого перехода, и что им надо дать отдых. Довольно громким голосом я сказал ротмистру, что удивляюсь, как при такой обстановке он просит у меня дать отдых. Отстранив его от командования, я назначил поручика временно командующим эскадроном и приказал ему двигаться с эскадроном к цирку Чинизелли, выяснить обстановку в районе Марсова поля и действовать там, в случае надобности, решительно. Это приказание я отдал во исполнение приказания генерала Хабалова, отмены которого до сих пор не было.

Затем я отправился к Собранию армии и флота и подошел к роте кексгольцев, полурота которых под начальством штабс-капитана (по-видимому, призванного из запаса) находилась на Литейном проспекте. Ротный командир этой роты был на Кировской улице, где около церкви лейб-гвардии Саперного батальона собралась толпа, которая разбивала окна и старалась проникнуть в казармы Жандармского дивизиона. Взвод кексгольцев, открыв огонь, разогнал эту толпу.

Все это время со стороны Литейного оружейного завода и с колокольни Сергиевского всей артиллерией собора открыли огонь по полуроте лейб-гвардии Кексгольмского запасного полка и по мне. Несколько человек было ранено легко и четверо тяжело. Солдаты, не бывавшие под огнем, бросились под ворота и в Собрание армии и флота. Я немедленно приказал подобрать раненых и отнести их в дом графа Мусина-Пушкина, где помещалось Управление Красного Креста Северно-



го фронта. Там я просил организовать перевязочный пункт и принять всех раненых. Одновременно принесли двух раненых лейб-гвардии Преображенского запасного полка с площади Преображенского собора. Приказав поставить под воротами дежурное отделение и изготовить пулемет, чтобы обстрелять перекрестным огнем Орудийный завод и угол Сергиевской улицы, я послал подтверждение поручику Брауну действовать более решительно в районе лейб-гвардии Саперного запасного полка.

Вслед за этим мне донесли, что со стороны Марсова поля и Пантелеймоновской улицы движется толпа, направляющаяся к Литейному проспекту, и в то же время ко мне прибыла из Царского Села рота лейб-гвардии 4-го Стрелкового Императорской Фамилии запасного полка под командой штабс-капитана Розенбаха.

Я приказал ему вместе с ротой стать на углу Пантелеймоновской и Моховой улиц и встретить толпу огнем, а сам пошел посмотреть раненых в дом графа Мусин-Пушкина. Едва я успел войти в дом, как мне сообщили, что на Сергиевской улице собирается много автомобилей, и когда я подошел к углу Кирочной и Литейного и приказал полуроте кексгольмцев изготовиться разогнать эти автомобили, из-за угла Сергиевской улицы вылетело несколько машин, облепленных рабочими с красными тряпками и винтовками. Беспорядочно стреляя, они направились по Литейному проспекту. Немедленно был открыт огонь, и все машины, кроме одной, были брошены вместе с убитыми на Литейном проспекте, часть же людей убежала. Одна из машин продолжала быстро двигаться по Литейному; рабочие, облепившие автомобиль, падали на мостовую, но шофер, как видно, раненный, все же на полном ходу повернул машину и уехал обратно. Вся эта машина была прострелена



пулями, а стекла ее были разбиты. Я приказал собрать всех убитых и перенести их в пустой каретный сарай одного из домов на Литейном проспекте. От всех убитых рабочих сильно пахло спиртом. В это время ко мне прибежал штабс-капитан Розенбах, бледный, с оборванным погоном, и доложил, что, выйдя на угол Моховой и Пантелеймоновской улиц солдаты его роты смешались с толпой, пытавшейся его избить и оторвавшей у него шапку.

Я немедленно пошел сам на Пантелеймоновскую улицу и по дороге встретился с шедшей ко мне ротой лейб-гвардии Семеновского запасного полка с двумя офицерами прапорщиками Соловьевым и Эссенем. Почти одновременно с семеновцами подошла и рота лейб-гвардии Егерского запасного полка, которая должна была прийти еще утром. Этой роте я приказал оставаться впредь до моего распоряжения около казарм лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады. Здесь же мне было доложено, что прапорщик Кисловский, идя с докладом ко мне от поручика Брауна, был убит.

Когда я сам выводил роту семеновцев на Пантелеймоновскую улицу, то толпа, увидев роту, очистила эту улицу. Я приказал прапорщику Соловьеву стать с ротой на Пантелеймоновской улице и, в случае нового появления толпы, открыть по ней огонь. Услышав же со стороны полуроты кексгольмцев крики «Не стреляй!» — я поспешил туда и увидел офицера, идущего по Литейному проспекту от Артиллерийских казарм и делающего кексгольмцам знаки, чтобы они не стреляли.

Заметив на груди у этого офицера большой красный бант, я приказал открыть по нему огонь. Он сначала быстро побежал, но вскоре упал. Здесь же доложили мне, что с центральной телефонной станции отвечают и что возможно переговорить с Градоначальством.



Я пошел к телефону в доме графа Мусина-Пушкина. В это время уже смеркалось. Все прилегающие к занимаемому мною району улицы были насыщены толпами рабочих. Когда я подошел к телефону, то с центральной станции мне сказали, что из Градоначальства никто не отвечает уже с полудня. После выяснилось, что генерал Хабалов с градоначальником и со всем штабом перешел в Адмиралтейство, но так как меня об этом никто не предупредил, то все мои попытки связаться с ним ни к чему не привели. Генерал Хабалов не потруился ни разу выслать ко мне кого-либо из офицеров для ознакомления с обстановкой. На центральной станции о переходе генерала Хабалова в Адмиралтейство известно не было.

В момент моего разговора по телефону я увидел, как в подъезд дома, в котором я находился, вбегали солдаты лейб-гвардии Семеновского запасного полка, неся смертельно раненных прапорщиков Соловьева и Эссена. За ними бежали солдаты лейб-гвардии Преображенского запасного полка — все были с винтовками, и в течение пяти минут весь дом был заполнен вооруженными солдатами, главным образом, Преображенского и Семеновского запасных полков, среди которых было и несколько человек егерей.

Когда я вышел на улицу, то уже было темно, и весь Литейный проспект был заполнен толпой, которая, хлынув из всех переулков, с криками тушила и разбивала фонари. Среди криков я слышал свою фамилию, сопровождаемую площадной бранью. Большая часть моего отряда смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может.

Я вошел в дом и, приказав закрыть двери, отдал распоряжение накормить людей заготовленными для них ситным хлебом и колбасой. Ни одна часть своим людям обеда не выслала.



Образовавшийся в доме графа Мусина-Пушкина лазарет был довольно большой — свыше трех процентов лейб-гвардии Преображенского и лейб-гвардии Кексгольмского запасных полков лежало ранеными, и тут же среди них были умирающие прапорщики Соловьев и Эссен, вскоре оба скончавшиеся. Труп прапорщика Кисловского сюда не был принесен...

Управление и администрация временного лазарета просили меня вывести из дома здоровых солдат. Тогда я поблагодарил последних за честное до конца исполнение своего долга и приказал им, сложив винтовки и патроны на чердак, разделиться на небольшие группы под начальством своих унтер-офицеров и идти по казармам.

Хозяева дома, видя вокруг него возмущенную и кричащую по моему адресу угрожающие возгласы толпу и боясь за свой дом, предлагали мне переодеться в штатское и уйти, но я наотрез от этого отказался и, сказав, что при первой возможности оставляю их дом, послал своих двух унтер-офицеров посмотреть, где я могу выйти из дома. Вскоре вернулся старший унтер-офицер Маслов и сказал, что ко всем возможным выходам из дома поставлены вооруженные команды рабочих, которые ждут моего выхода, и что мне выйти совершенно невозможно. Тогда я отпустил этих двух унтер-офицеров и остался один.

Поздно ночью ко мне пробрался ефрейтор учебной команды лейб-гвардии Преображенского запасного полка, с которым фельдфебель учебной команды подпрапорщик Лисов прислал мне солдатское обмундирование, чтобы я, передевшись, мог выйти из своего заточения, но мне был противен какой-либо маскарад, и я от этого отказался.

Проснувшись утром 28 февраля довольно поздно и напившись чаю, который мне дали во временном ла-



Баррикады на Литейном проспекте в феврале 1917 года

зарете, я подошел к окну «своей» маленькой гостиной и увидел Литейный проспект, сад Собрания армии и флота и угол Кирочной улицы: всюду бродили вооруженные рабочие, не спускавшие глаз с окон дома графа Мусина-Пушкина. В это время из-за угла Кирочной улицы выехали две броневые машины и два грузовика. Все они были наполнены вооруженными рабочими, среди которых было несколько солдат. Машины остановились посреди Литейного проспекта, и рабочие, соскочив с них, начали галдеть, все время показывая на окна. В этом приняли участие и гуляющие по Литейному рабочие. Затем, направив пулеметы на окна верхнего этажа дома, все они пошли к подъезду.

В это время в мою гостиную вбежала сестра милосердия и стала уговаривать меня надеть халат санитаря, так как, по ее словам, приехали рабочие и солдаты, чтобы убить меня. Попросив ее оставить меня одного в гости-



ной, я сел на маленький диванчик в углу и стал ждать прихода представителей новой власти.

Гостиная, бывшая длиной меньше восьми шагов и шириной шагов пять, имела двое дверей: одни вели в ряд комнат, идущих вдоль Литейного проспекта, другие, обращенные к окнам, выходили на площадку вестибюля. Напротив первых дверей было большое зеркало в стене, напротив вторых — также зеркало между окнами. Сидя в углу, я видел, как по комнатам бежали двое рабочих с револьверами в руках. Случилось так, что на порогах обеих дверей моей комнаты одновременно появились рабочие с револьверами в руках. Посмотрев друг на друга и увидев, вероятно, в зеркалах только самих себя, они повернулись и ушли, не заметив меня.

Все в доме, как и я, были очень удивлены, что я не был арестован этими вооруженными рабочими.

Найдя на чердаке сложенные там винтовки и патроны, рабочие снесли их на грузовики и, не тронув раненых, уехали по Кирочной улице, вероятно, в Государственную думу.

Я подошел к окну и увидел для себя печальную картину: в строю, по отделениям и с оркестром музыки шли по Литейному проспекту солдаты лейб-гвардии Преображенского запасного полка, потом они повернули на Кирочную улицу. Впереди них шли четыре подпрапорщика. Одного я отлично помню — это был подпрапорщик Умрилов.

Было тяжело смотреть на эту картину и не хотелось верить, что все уже кончено. Зная настроение и состояние частей на фронте, я верил, что в ближайшее время будут присланы части, которые наведут порядок в Петрограде.

После отъезда рабочих «моя разведка» донесла, что наблюдение за домом прекращено, но я решил до вече-



ра никуда не уходить. Хозяева дома после его осмотра рабочими относились к моему присутствию спокойно.

Около четырех часов дня меня вызвал к телефону поручик Макшеев и сказал мне, что все офицеры нашего запасного полка, собравшись и обсудив положение, решили признать новую власть, и спросил мое мнение. На это я ему ответил: «Не позорьте имени полка. Я не думаю, что все уже кончено. Достаточно того позора, который я видел сегодня утром в окно, когда преображенцы, хоть и запасного полка, но все же преображенцы, шли в Государственную думу».

Вечером я попросил доставить меня на Миллионную улицу в наше собрание на одном из санитарных автомобилей. Около восьми часов вечера во двор был подан санитарный автомобиль, и я, оставив оружие в Управлении Красного Креста Северного фронта, сел между шофером и врачом.

Мне было дано удостоверение, что я начальник Санитарной колонны. Быстро выехав со двора на Литейный проспект, мы повернули затем на набережную, откуда проехали прямо на Миллионную. По дороге нас несколько раз останавливали, но доктор очень бойко говорил: «Товарищи, мы вызваны подобрать раненых в Павловское училище, там только что был бой. Прошу вас не задерживать нас». И нас пропускали. Таким образом я благополучно добрался до нашего собрания на Миллионной улице.

В собрании меня встретили наши офицеры. Все они были сильно расстроены, и у многих был подавленный вид. Капитан Скрипицын и Приклонский, а также поручик Макшеев рассказали мне, как роты лейб-гвардии Преображенского запасного полка были построены на Дворцовой площади в полном порядке, но начальство никуда не решилось их двинуть. Они просили меня пройти по казармам и побеседовать с отдельными сол-



датами для того, чтобы внушить им необходимость порядка и исполнения долга.

Я обошел все роты. Везде был полный порядок. Дежурные являлись, люди шли пить чай, и только в нескольких местах громко о чем-то спорили, но при моем появлении становились смирно (это было после вечерней переключки). Только двух солдат Государевой роты я встретил выпившими. Должен сказать, что я не ожидал увидеть в таком хорошем состоянии роты запасного полка. Но, несмотря на этот порядок, все же чувствовалось среди солдат напряженное настроение.

Вернувшись в собрание, я поделился с офицерами своими впечатлениями и посоветовал им на следующий день занять солдат чем-нибудь до обеда, а также увеличить число дневальных, после же обеда отпустить желающих в отпуск, соблюдая все правила увольнения.

В течение этого времени для меня был приготовлен автомобиль и пропуск за подписью Председателя Государственной думы, и я, в сопровождении двух кадровых унтер-офицеров, поехал на Васильевский остров к моим сестрам, находившимся в сильном беспокойстве за мою участь.

Когда, прощаясь, я поблагодарил унтер-офицеров, то они меня спросили: «Что же будет дальше, Ваше высокоблагородие?» Я им ответил, что нам надо до конца оставаться преображенцами, и выразил надежду, что порядок, в конце концов, будет восстановлен.

На следующий день, 1 марта, я пошел завтракать на Миллионную улицу в собрание. Там капитаны Скрыпцын и Холодовский сообщили мне, что одну из главных ролей в Государственной думе играет Генерального штаба полковник князь Туманов, командовавший у нас в полку для ценза 16-й ротой, и, зная мои хорошие с ним отношения, просили меня поехать к нему и сказать, что так дальше продолжаться не может, и что надо теперь



же спасать положение. Сперва я не хотел ехать, но потом, видя царивший повсюду хаос, согласился.

Приехав вместе с Холодовским в Государственную думу, я был возмущен всем тем беспорядком, который увидел там. Я стал спрашивать, где находится полковник князь Туманов, но никто не мог мне этого сказать. Тогда я сам стал входить во все комнаты и залы, у дверей которых стояли часовые лейб-гвардии Преображенского полка. Им было вменено в обязанность никого не пропускать, но меня никто нигде не задерживал.

Войдя в одну из комнат, я увидел человек сорок общественных деятелей, вероятно, членов Государственной думы, и среди них несколько офицеров. Все они обсуждали вопрос: что лучше — монархия или республика? Перебив какого-то оратора, я в первый раз в жизни выступил с речью и сказал им, что удивляюсь их пустым разговорам, когда надо говорить только о том, как навести порядок, чтобы спасти положение. Я сказал также, что, если не сделать этого сейчас, то потом будет уже поздно, и что все они будут стерты толпой с лица земли.

Хлопнув дверью, я ушел и, войдя в Большой зал, натолкнулся на полковника Энгельгардта. Зная, что он состоит комендантом Государственной думы, я обратился к нему с вопросом, какие он намерен принять меры для водворения порядка? Он мне ответил, что только что назначен Градоначальником города Петрограда доктор медицины Юрьевич, который и наведет все порядки. На это я ему сказал, что надо теперь же поставить вместо городских тех солдат, которые почти в продолжение двух лет стояли вместе с городскими на остановках трамваев и на углах улиц для поддержания порядка и имели в то еще время красные комендантские повязки на рукавах, и что если эти солдаты будут нести знакомые им обязанности городских, то толпа сразу почувствует, что есть



на улице какая-то власть. На это полковник Энгельгардт мне ответил: «Прошу вас не учить». Тогда я ему сказал: «Да я не только учить, но даже разговаривать с вами не желаю, но помните, что никакие доктора вас не спасут». Повернувшись от него, я вышел из Думы.

На подъезде я встретил толпу, несущую Родзянко, окруженного красными флагами. Другая толпа в это время разбирала сложенные в вестибюле пулеметы и патроны и уносила их из Государственной думы.

Расстроенный всей этой картиной, я пошел пешком на Васильевский остров и решил, прекратив свой отпуск, ехать скорее на фронт, в полк.

2 марта я пошел на Миллионную улицу, чтобы попрощаться с офицерами и заявить им о своем отъезде на фронт.

Подходя к Миллионной, я увидел стоящую против наших казарм цепь с винтовками, и когда хотел пройти в подъезд, один из солдат очень смущенно меня остановил, сказав тихим голосом, что приказано никого не пропускать в собрание. Тогда я приказал этому солдату вызвать ко мне караульного начальника, что он немедленно и исполнил, и ко мне явился маленького роста ефрейтор с офицерской шашкой и револьвером, который довольно развязно, не беря руки под козырек, спросил меня: «Что вам надо?» В свою очередь, указывая рукою на цепь, я его тоже спросил: «Что все это значит?»

В ответ он мне заявил, что все солдаты ушли на Кирочную улицу выбирать командира полка, а все офицеры арестованы в собрании, и прибавил: «А кто вы будете?» На это я, улыбаясь, сказал ему: «Имею честь служить лейб-гвардии Преображенском полку», на что он сказал: «В таком случае я вас должен арестовать». Резким голосом я ему ответил: «Вот когда ты повоюешь в рядах нашего полка столько, сколько я, и будешь знать всех господ



офицеров, тогда мы с тобой поговорим». Сказал это и пошел по направлению к Зимнему дворцу.

На Дворцовой площади я увидел Преображенца, стоявшего на посту у подъезда здания Штаба округа. Войдя в подъезд, я встретил караульного начальника штабс-капитана Квашнина-Самарина. Он заявил мне, что караул находится двое суток без смены, и он не знает, что делать дальше. Он обратился ко мне с просьбой пройти в помещение караула и поблагодарить солдат за хорошее несение службы.

С построенным караулом я поздоровался, поблагодарил за службу и сказал, что ввиду несения третий день службы считать караул как команду, высланную для охраны Штаба округа, и часовых перевести на положение дневальных, которым разрешил днем сидеть на постах, а также обещал принять меры к скорейшей смене. Затем, вызвав заведующего зданием, я просил его лучше кормить людей, на что он выразил полную готовность. Действительно, он выдал солдатам горы ситного хлеба, колбасы, чаю, сахару и пр. Солдаты были вполне довольны.

Из Штаба округа я направился в Зимний дворец, где также бесменно стоял караул от учебной команды лейб-гвардии Преображенского запасного полка. Караульным начальником был, насколько мне помнится, поручик Огнев. Пройдя в караульное помещение и разговаривая там с караульным начальником и караульным унтер-офицером, я узнал от них, что караул несколько раз не допускал во двор дворца рабочих и матросов, и что все время к часовым на постах подходят отдельные люди, старающиеся их распропагандировать. Они меня просили скорее устроить смену караула другой частью.

Поздоровавшись с построенным караулом и поблагодарив его, я так же, как и в Штабе округа, разрешил



ему считаться с этого момента командой. Некоторые наружные посты распорядился снять и поставить парных дневальных у ворот дворца.

После этого я послал караульного унтер-офицера к подпрапорщику Лисову с тем, чтобы он распорядился выслать новый караул.

Вызвав к телефону помощника заведующего Зимним дворцом, я просил его выдавать караулу больше сахара, хлеба и вообще обставить солдат как можно лучше. Я был весьма удивлен, услышав от него ответ, что ему трудно будет исполнить мою просьбу, так как все возможное уже сделано, и выдача сахара уже увеличена на четверть золотника на человека.

После такого ответа я прекратил разговор с этим господином и стал звонить в Гвардейский экипаж, который, по слухам, был единственной частью, находившейся в полном порядке. На мою просьбу выслать караул в Зимний дворец дежурный по экипажу заявил, что даже и думать об этом не приходится. Тогда я позвонил в лейб-гвардии Павловский запасной полк (от встреченного на Миллионной улице унтер-офицера этого полка я знал, что у них уже выбрали командира полка). К телефону подошел сам новый «командир полка», какой-то штабс-капитан, сказавши мне, что, к несчастью, он, действительно, выбран новым командиром лейб-гвардии Павловского запасного полка, но что он не знает, где находятся его люди, не знает даже количества винтовок у себя в полку и, кроме того, сомневается, будут ли исполняться какие-либо его приказания, и что ввиду этого он никакого караула выслать не может.

Подпрапорщик Лисов прислал сказать, что все люди ушли на Кирочную улицу выбирать командира полка, поэтому смену караулу он выслать не может. Приказав караульному начальнику написать письмо адъютанту



нашего полка о необходимости принятия им мер к смене караулов в Зимнем дворце и Штабе округа, а также в Адмиралтействе, я вышел из дворца и направился к себе домой.

Часто приходилось слышать, что преображенцы запасного полка изменили своему долгу, но, зная, как они действовали на Литейном проспекте, как построенные роты на площади Зимнего дворца не присоединились к восставшим и находились в полном распоряжении генерала Хабалова, и как караулы преображенцев несли свою службу в течение трех суток без смены, я думаю, что все эти обвинения должны отпасть.

Конечно, в дальнейшем и преображенцы запасного полка были увлечены общей революционной волной, и менее устойчивые чины его присоединились к общему течению, но большинство чинов нашего запасного полка честно выполняло свой долг до тех пор, пока существовала власть в Петрограде.

На Николаевском мосту я встретил одного из моих братьев и младшую сестру, ждавших меня, чтобы предупредить, что мне необходимо немедленно уехать из Петрограда, так как после моего ухода из дому три раза приходили матросы, чтобы арестовать меня. Я вместе с ними пошел домой. Не доходя до дома, мы выслали мою сестру «на разведку» — не ждут ли меня на квартире «товарищи-матросы».

Дома я застал в полной панике нашу старую прислугу Захаровну, умолявшую меня сейчас же уехать из Петрограда. Она все время приговаривала: «Ведь одни рожи-то их чего стоят. Отца родного убьют — не пожалеют, а уж вас и подавно». Особенно она была в претензии на одного матроса, укравшего у нее во время обыска пятнадцать фунтов сахара.

Ввиду столь настойчивых визитов «товарищей-матросов» я решил немедленно уехать из Петрограда.



Взяв с собой маленький саквояж и уложив в него самые необходимые вещи и свой наган, я отправился в сопровождении своего брата на Царскосельский вокзал. На вокзале, запруженном солдатами, мне сказали, что поезда по Царскосельской линии не ходят, и неизвестно, когда еще пойдут. Тогда я пошел пешком на Николаевский вокзал с тем, чтобы ехать в полк кружным путем через Москву, Воронеж, Киев. На Николаевском вокзале брат взял билет, и я, сев в первый попавшийся поезд, выехал из Петрограда около семи часов вечера 2 марта.

В купе, где я сидел, всю ночь шли разговоры о республике и монархии, о преимуществах великого князя Михаила Александровича перед Государем и т. п. Все это слушать было тошно, и я ехал, притворяясь спящим, но не мог заснуть всю ночь.

Железнодорожное движение было сильно нарушено, и поезда шли с большим опозданием, так как «товарищи-железнодорожники» тоже праздновали революцию.

На рассвете на станции Тверь поезд остановился на десять минут.

Выйдя на платформу и прогуливаясь вдоль поезда, я обратил внимание на двух солдат, которые стремительно шли, направляясь ко мне. Оба были с револьверами в руках.

Подойдя ко мне, один из них крикнул: «Руки вверх!» Я, не поднимая рук, спросил: «В чем дело?» — и прибавил: «Вероятно, вы думаете, что у меня есть оружие, но после постоянных обысков и осмотров я полагаю, что ни у одного офицера не осталось револьвера». На это один из солдат заявил: «Здесь в поезде говорят, что вы расстреливали народ в Петрограде». Не успел я ему сказать: «Не всякому олуху верь», как раздался третий звонок, и мои «собеседники-товарищи», оставив меня, бросились в вагон.



Я быстро вошел в купе своего вагона, взял саквояж и на ходу выскочил из поезда.

Сделав остановку у начальника станции и спокойно позавтракав, я сел в прямой вагон «Петроград-Москва-Воронеж» скорого поезда и продолжал дальше свое путешествие.

Почти не выходя из вагона, я добрался до Воронежа, где сейчас же перешел в другой поезд и через Киев приехал на фронт в свой полк.

Там я спокойно вздохнул, так как обстановка в полку была почти без изменения. Солдаты прекрасно несли службу, был полный порядок и чинопочитание.

Шли только разговоры об организации полкового комитета.

Кругом, в нашем полку и особенно среди офицеров, чувствовалось тяжелое настроение и волнение за судьбу России, Государя Императора и всей его семьи...





ДЕНИКИН АНТОН ИВАНОВИЧ

Антон Иванович Деникин (1872–1947) — знаменитый генерал Русской императорской армии, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, один из главных руководителей Белого движения.

В феврале 1917 года приветствовал свержение монархии, был назначен начальником штаба Верховного

главнокомандующего, в дальнейшем стал главнокомандующим армиями сначала Западного, а потом Юго-Западного фронтов. В августе 1917 года выступал против Временного правительства, поддержал попытку Корниловского переворота, за что был арестован и заключен в тюрьму.

После Октябрьской революции был освобожден и принял активное участие в создании Добровольческой армии. Весной 1918 года после смерти генерала Корнилова возглавил Добровольческую армию, в 1918–1920 годах — главнокомандующий Вооруженных сил Юга России.

В апреле 1920 года, после передачи власти барону Врангелю, эмигрировал из Крыма в Англию. В последующие годы отошел от большой политики и занялся активной литературной деятельностью. Во время Второй мировой войны, оставаясь противником советского строя, категорически отказался сотрудничать с Германией и поддерживать ее в войне с Советским Союзом, к чему призывал и своих соотечественников за рубежом. Умер в 1947 году в США.



Революция в Петрограде¹

Событиями в Петрограде и Ставке я ознакомился только впоследствии. Для последовательности изложения коснусь их вкратце. В телеграмме царю членов Государственного совета в ночь на 28 февраля положение определялось следующим образом:

«Вследствие полного расстройств транспорта и отсутствия подвоза необходимых материалов остановились заводы и фабрики. Вынужденная безработица и крайнее обострение продовольственного кризиса, вызванного тем же расстройством транспорта, довели народные массы до полного отчаяния. Это чувство еще обострилось той ненавистью к правительству и теми тяжкими подозрениями против власти, которые глубоко запали в народную душу.

Все это вылилось в народную смуту стихийной силы, а к этому движению присоединяются теперь и войска. Правительство, никогда не пользовавшееся доверием в России, окончательно дискредитировано и совершенно бессильно справиться с грозным положением»...

Находившая благоприятную почву в общих условиях жизни страны подготовка к революции прямо или косвенно велась давно. В ней приняли участие самые разнородные элементы: германское правительство, не жалевшее средств на социалистическую и пораженческую пропаганду в России, в особенности среди петроградских рабочих; социалистические партии, организовавшие свои ячейки среди рабочих и воинских частей; несомненно и протопоповское министерство², как гово-

¹ Текст печатается с сокращениями по изданию: Деникин А. И. Очерки русской смуты. Том I. Крушение власти и армии (Февраль — сентябрь 1917 г.). Париж, 1921–1926.

² Протопоповское министерство — министерство внутренних дел во главе с А. Д. Протопоповым.



рили, провоцировавшее уличное выступление, чтобы вооруженной силой подавить его и тем разрядить невыносимо сгущенную атмосферу. Как будто все силы — по диаметрально противоположным побуждениям, разными путями, различными средствами шли к одной конечной цели...

Вместе с тем, прогрессивный блок и общественные организации, учитывая неизбежность больших событий, начали готовиться к ним, а некоторые круги, идейно или персонально близкие к указанным организациям, как я уже говорил, приступили к подготовке дворцового переворота как последнего средства предотвратить надвигающуюся революцию.

Тем не менее, восстание все же вспыхнуло стихийно, застав всех врасплох. В исполнительном комитете Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов впоследствии, около 10 марта, видными членами его по частному поводу были даны разъяснения, что «восстание солдат произошло независимо от рабочих, с которыми солдаты еще накануне переворота никакой связи не имели» и что «восстание подготовлено не было, почему и не оказалось соответствующего органа управления».

Что касается думских и общественных кругов, то они подготовлены были к перевороту, а не к революции и в ее бушующем пламени не могли сохранить душевное равновесие и холодный расчет.

Первые вспышки начались 23 февраля, когда толпы народа загрохотали улицы, собирались митинги, и ораторы призывали к борьбе против ненавистной власти. Так продолжалось до 26-го, когда народное движение приняло грандиозные размеры и начались кровавые столкновения с полицией с применением ею пулеметов.

26-го получен был указ об отсрочке сессии Государственной думы, а 27-го утром в заседании Думы решено было не разъезжаться из Петрограда...



Между тем, в тот же день утром обстановка в корне изменилась, так как на сторону восставших перешли запасные батальоны Литовского, Волынского, Преображенского и Саперного гвардейских полков. Именно запасные батальоны, так как настоящие гвардейские полки находились тогда на Юго-Западном фронте. Эти батальоны не отличались ни дисциплиной, ни настроем от прочих имперских запасных частей.

Командный состав многих частей растерялся, не решил сразу основной линии своего поведения, и эта двойственность послужила отчасти причиной устранения его влияния и власти.

Войска вышли на улицу без офицеров, слились с толпой и восприняли ее психологию.

Вооруженная толпа, возбужденная до последней степени, опьяненная свободой, подогреваемая уличными ораторами, текла по улицам, сметая баррикады, присоединяя к себе все новые толпы еще колебавшихся...

Беспощадно избивались полицейские отряды. Встречавшихся офицеров обезоруживали, иногда убивали. Вооруженный народ овладел Арсеналом, Петропавловской крепостью, Крестами (тюрьма)...

В этот решительный день вождей не было, была одна стихия. В ее грозном течении не виделось тогда ни цели, ни плана, ни лозунгов. Единственным общим выражением настроения был клич: «Да здравствует свобода!»

Кто-то должен был овладеть движением. И после горячих споров, после проявления некоторой растерянности и нерешительности эту роль приняла на себя Государственная дума, выделив из своей среды «Комитет Государственной думы», который в таких осторожных выражениях объявил 27 февраля о существовании своего назначения:

«Временный комитет членов Государственной думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной



мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка... Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной задаче создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием».

Центром политической жизни страны стала Дума, которая, несомненно, к тому времени, после патриотической и национальной борьбы ее против ненавистного народу правительства, после большой и плодотворной работы в интересах армии, пользовалась широким признанием во всей стране и армии. Никто другой не мог стать во главе движения. Никто другой не мог получить такое доверие страны и такое быстрое и полное признание верховной властью, как власть, исходившая из недр Государственной думы. Это обстоятельство отлично было учтено Петроградским Советом рабочих депутатов, который тогда еще не претендовал на официальное возглавление российского правительства. Такое отношение тогда к Государственной думе породило иллюзию «всемирности» Временного правительства, ею созданного.

Поэтому наряду с частями, смешавшимися с вооруженной толпой и громившими все, что слишком резко напоминало старую власть, наряду с отрядами, оставшимися ей верными и оказавшими сопротивление, к Таврическому дворцу стали подходить войсковые части с командирами и офицерами, с музыкой и знаменами и по всем правилам старого ритуала приветствовали новую власть в лице председателя Государственной думы Родзянко.

Таврический дворец представлял из себя необыкновенную картину: законодатели, сановники, солдаты, рабочие, женщины... Палата, военный бивак, тюрьма,



Члены Временного комитета Государственной думы.
Слева направо. Сидят: В. Н. Львов, В. А. Ржевский,
С. И. Шидловский, М. В. Родзянко.
Стоят: В. В. Шульгин, И. И. Дмитрюков, Б. А. Энгельгардт,
А. Ф. Керенский, М. А. Караулов

штаб, министерства... Сюда стекалось все, искавшее защиты и спасения, жаждавшее руководства и ответа на вставшие вдруг недоуменные вопросы...

Но в тот же день 27 февраля из стен Таврического дворца вышло объявление:

«Граждане! Заседающие в Государственной думе представители рабочих, солдат и населения Петрограда объявляют, что первое заседание их представителей состоится сегодня в 7 часов вечера в помещении Государственной думы. Всем перешедшим на сторону народа войскам немедленно избрать своих представителей по одному на каждую роту. Заводам избрать своих депутатов по одному на каждую тысячу. Заводы, имеющие менее тысячи рабочих, избирают по одному депутату...»

Этот факт имел чрезвычайное и роковое влияние на весь ход последующих событий: 1) создал параллельно



Временному правительству орган неофициальной, но, несомненно, более сильной власти Совета рабочих и солдатских депутатов, борьба с которым оказалась не под силу правительству; 2) придал политическому перевороту и буржуазной революции организованные формы и характер революции социальной, которая была немыслима при современном состоянии страны и не могла пройти без страшных потрясений в период тяжелой внешней войны; 3) установил тесную связь между тяготевшим к большевизму и пораженчеству Советом и армией, что внесло в нее постоянный бродящий фермент, приведший к разложению.

И когда войска стройными рядами, с командирами и офицерами, дефилировали мимо Таврического дворца, это была лишь показная внешность. Связь между офицерством и солдатами была уже в корне нарушена, дисциплина подорвана, и с тех пор войска Петроградского округа до последних своих дней представляли опричнину, тяготевшую своей грубой и темной силой над Временным правительством. Впоследствии все усилия Гучкова, Корнилова и Ставки повлиять на них или вывести на фронт остались тщетными, встречая резкое сопротивление Совета.

Временами среди войсковых частей вспыхивало вновь сильное брожение, иногда форменный военный бунт. Члены Думы разъезжали по казармам успокаивать войска. Попытка Гучкова совместно с генералом Потаповым и князем Вяземским водворить порядок в Измайловском полку завершилась печально: измайловцы и петроградцы открыли огонь, князь Вяземский был смертельно ранен, а спутники его пробились с большим трудом. По свидетельству Потапова, бывшего председателя военной комиссии, ведавшей внешней обороной Петрограда, к 3 марта полки пришли в полное расстройство. «Только 176-й полк сохранял еще порядок и занял